

Литрес

Ольга Озерцова

Веснянка

Третий Китеж

Ольга Озерцова

Веснянка

«Автор»

2006

Озерцова О.

Веснянка / О. Озерцова — «Автор», 2006 — (Третий Китеж)

ISBN 978-5-532-06640-3

Роман-финалист премии Электронная буква 2020. Победитель в номинации «Выбор экспертов». Ярилина весь, счастливое селение древних славян, воссоздана по фольклорным и летописным источникам. Веснянка - девушка, песни которой обладают магической силой, кузнец Ярилка, полюбивший русалку, другие герои романа живут в гармонии с природой и существами, её населяющими: лешими, кикиморами, русалками, водяными и полевыми. Здесь давно забыли про древние зловещие жертвы. Но скоро все изменится. Однажды в жизнь Ярилиной веси вторгается таинственный незнакомец. Кто он? Человек? Волк...? что принесет его любовь к Веснянке ей и людям этого края. Смогут ли они противостоять Великому Страху ночному? Сохранить мудрость? Ольга Озерцова - кандидат филологических наук, автор публикаций по древнерусской литературе, а также романов о современности, древности и Средневековье

ISBN 978-5-532-06640-3

© Озерцова О., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Предисловие	5
Веснянка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Озерцова

Веснянка

Предисловие

Жизнь и чувства славян VII века можно описать так:

С Великого весеннего праздника и в те дни, когда похоронят кукушку, поднимается в злаках вещая сила. Тайной бродит она, прячущаяся в лесах. То блеснет в реке русалкой, то цветом. Бродит, ходит в леших, ручьях, деревьях, чтобы вырваться, как освобождение в купальскую ночь.

Тогда оживают все тайные соки земли. Сквозь влажную траву, в темнеющих стеблях блуждают они, трепещут, дышат. Из земли, рек, родников выйдет колдовская сила. И когда цвет зацветет...

...Мой путь, путь волка. Черный лес меня спасет и мне поможет. Мой путь, путь волка.... Он остановился. Обернулся. Посмотрел. Долго смотрел на них. Кровь стекала быстрыми каплями по виску...

Но сначала обратимся к историческим фактам.

«Поэтические воззрения славян на природу», о которых писал замечательный ученый XIX в., собиратель сказок А. Н. Афанасьев, сохранились в обрядовой поэзии, быличках, письменности. Эти сведения отрывочны, в отличие от античной и скандинавской мифологии они не дали яркой литературной традиции. Но в них была своя красота, наполненная поэзией и жестокостью. Древние славяне ощущали себя окруженными таинственной, разнообразной жизнью. Загадочные мифические существа (лешие, полудницы, русалки водяные и полевые, дева тоскачаровница, оборотни волки и медведи) наполняли природу, и люди чувствовали свою родственную связь с ними. В обрядах, ритуалах, связанных с праздниками, сохранилось светлое «дивование» миром, в письменности же есть сведения и о жертвоприношениях.

Роман «Веснянка» написан на основе весенне-летней обрядовой поэзии восточных славян и изображения весенних праздников в литературе средневековой Франции (у трубадуров). Время действия можно отнести к VII-VIII вв. н. э., когда славянские поселения были малы и обособлены друг от друга и остального мира так, что в отдельных местах мог существовать особый уклад жизни со своими нравственными ценностями, отличными от общей жестокости раннего средневековья. Это отразилось в «Повести временных лет», где о славянских племенах говорится: «...живущим особе... Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав» и «игрища межю селы».

Поводом к описанию «Ярилиной веси» послужили также бытовавшие в фольклоре многих народов сказки и предания о некоей счастливой стране или острове, где люди добры, живут в мире без войн и обладают изначальной человеческой мудростью. Возможно, о подобном крае упоминается и в древнерусской «Александрии» XII-XIII вв. В повести рассказывается, как Александр Македонский, пройдя всю ойкумену, нашел счастливую страну нагомудрецов, которую, единственную из всех, не пытался завоевывать, и повернул назад. Среди русских старобрядцев существовало предание о стране Беловодье (Белый Остров, Белый Источник), где люди живут по справедливости, обладают высшим знанием и мудростью.

В сюжете повести использован и распространенный в фольклоре устойчивый мотив волка-оборотня (медведя-оборотня): то человека, то зверя. Обряд изгнания из племени со словами «будь ты волком» убедительно реконструирован В. В. Ивановым и В. И. Топоровым

Источники песен, обрядов, их описания, археологические и письменные материалы приведены в примечаниях.

Критики о «Веснянке»:

«Роман-миф о племенах дохристианской Руси, о временах, когда люди верили, что, если не позвать весну, она не придет, когда выраставшие девушки звонко пели, никого не стеснясь, и слушали землю, говорившую им, что делать дальше в жизни. Написано это на удивление нефальшиво – автор занимается древнерусской литературой как филолог, хорошо знает и любит фольклор, описание фольклорных игрищ – самые запоминающиеся страницы в романе».

Анна Кузнецова, журнал «Знамя»

«Роман Веснянка посвящен загадочному миру языческой Руси... Автор романа использовал в своем произведении подлинные песни наших предков, а само действие разворачивается на фоне календарных обрядов: встречи жаворонков, русальной недели с завиванием березок, похорон Костромы, кукушки, праздников Ивана Купалы, Ярилы. В романе много воздуха, света. И читается он легко, на одном дыхании».

ТД «Библио-Глобус»

«...Ольга Озерцова – медиевист, и именно это историческое и филологическое образование чувствуется в первую очередь буквально с первой страницы, поскольку автор указывает, на какие именно источники он опирался. А основу этой стилизации, этого исторического произведения, в котором рассказывается о любви девушки Веснянки, о кузнеце Ярилке и русалке, составляют весенние славянские обряды, ну а кроме того – былички, поэтому здесь появляется, например, образ волка-оборотня, и размышления вообще о возможной славянской истории, о преданиях, например, о Беловодье, и т.д.»

Николай Александров, телеканал «Культура», передача «Порядок слов».

Веснянка

*Как разгорелось солнце красное
Над лесом, над сырým бором,
Развеселило все горочки,
Все горочки, все долиночки*

И с гор и бугров побежали ручьи. От их шума шевельнулись в земле соки, брызнули в деревья. А на вершине Ярилиной горки появился первый цветок.

Со всех сторон собирались люди к холму. Остановились у подножия и замерли, торжественно прислушиваясь. Из земли исходила спокойная сила... Легкий пар поднимался над проталиной. Впереди шел старик, босой, в белой до пят рубахе, медленно ступая по снегу. Дойдя до проталины, он поклонился и встал на колени, дотронулся до обнажившейся кожи земли. Боль тихо поднималась в теле земли... Старик ощутил, как где-то под рукой, в глубине, сквозь тяжелую толщу с трудом пробиваются ростки. Их движение, шевеление уже чувствуется. Но в том месте, где новорожденный цветок, радостный ток и горячее тепло уже прожгли земную шкуру. Он поднялся и воздел руки в священном жесте:

– Земля раскрыла свои недра, братья!

И внизу у холма благоговейно подняли руки в древнем молении.

– Земля разверзлась!

Старик с седой головой наклонился к цветку.

– Спасибо, земля, что ты раскрылась. Выпусти все цветы и травы, будь к нам щедра, о земля. Открой нам твои тайны.

Люди торжественно попросили хором:

– Будь к нам добра, земля, твои мы дети!

Старик продолжал:

– Дай счастья нам, о солнце!

Дай света нам, о небо!

Будь к нам добра, земля!

Твои мы дети!

И вслед за стариком люди поднимались на холм, на проталине каждый становился на колени, дотрагивался до теплой, влажной земной груди, прикасался губами и что-то шептал. Слабый цветок смотрел на них с гордостью. Он первый прорвался к солнцу сквозь тьму и толщу.

А они все поднимались, поднимались на холм и протягивали руки к нему.

– Ведь если ее не позвать, может и не прийти весна.

– Да она уж на дворе, зима-то кончилась. А жаль, хороша была масленица.

Девушка искоса взглянула на высокого парня, шедшего рядом.

– Ты у нас, Ярилка¹, на весь год напраздновался.

– И то верно, Веснянка, погуляли.

– А корову зачем к нам на крышу затащили?² Стоит, бедняжка, мычит.

---

¹ Ярила – имя славянского божества (о значении корня см.: Иванов, Топоров. С. 184), встречалось и как имя собственное в Древней Руси (см.: Веселовский С. В. Ономастикой. М., 1965. С. 381).

² Обычай чудить, делать завалы, куролесить, очевидно, имеет и какое-то ритуальное значение. «На заговены борону волочили, все растаскаем у мужиков бороны, чтобы свадеб больше было»; «где девки есть, разберут въезд, как старики ни караулят»; «молодежь тащила все, что попадет под руку, заваливали вход в дом»; «где перед домом лавочка – унесут, двери снимут – соседу занесут»; «смеху было: вся деревня раньше играла». (Соколова. С. 254—255).

– Почудить захотелось, на то и праздник, да и парни поговаривать стали, что ты дичишься нас, может, хоть выйдешь побранить, а то тебя и не видно.

– Разве я дичусь? Да я через костер дальше всех вас прыгаю.

– Это все Боз³ из-за болота, он каждый раз, как придет, норовит вокруг тебя начудить.

– Ему-то что до меня?

– Не знаю. Да эка невидаль – корова, бортнику⁴ вот ворота перегородили, на крышу сани закинули. Пока меду не вынес, и выйти не мог. Хорошо погуляли. Уж и не знаешь, когда веселее, колядки ли, масленица?

– Да что ты все одно – зима, масленица. Весна на дворе.

– Вот мне зимы и жаль.

Веснянка испуганно взглянула на него:

– Что ты, Ярилка, говоришь, обидится и не придет весна. Помнишь, как каждую зиму рассказывала бабушка давнюю сказку о непришедшей весне?⁵

– В древние времена на Земле всегда была весна.

– Вот хорошо!

Ярилка пожимал плечами.

– Чего хорошего, когда одно и то же? Теперь-то веселее: осенью – листья разноцветные, зимой – бело, мороз трещит.

– А мне бы хотелось, чтобы весна не кончалась.

Как сойдет снег, – ты с каждым цветком вместе. А зимой все тебе чужое и от тебя прячется.

Задумчиво смотрела тогда на Веснянку бабушка. Малый ребенок, а иногда чудные слова говорит. Кто знает, откуда мудрость девочки. Разное думали на селе про Веснянку, да и как не думать, ведь никто не видел ее мать. Помолчав, бабушка продолжала:

– На людей разгневалось солнце и послало им черную ночь.

– За что?

Давно это было. Не обо всем и старики помнят, не обо всем говорит и преданье. Большой грех совершили люди. До того в ладу они жили. А потом забыли законы солнца и обидели землю. Нет того страшнее. Долго растет дерево, а срубишь его сразу. Просто обидеть живое. И разгневалось на людей солнце, и плохо стало на земле. Начали сохнуть реки, иссушились болота и озера, гневом зажглось небо, где леса дремучие – трава сухая. Но Весна-красна подумала: «Если не я, то кто им поможет?» И пошла к людям. По пути видит – береза, у которой она каждый год листья раскрывает, срублена, зверь бежит, малый, безобидный, а за ним – кровь по траве. Подошла Весна к деревне, но все будто ослепли... И ушла Весна от людей.

– Почему?

– Не поняли люди что-то, не сумели. Любить ведь не просто. И обиделась Весна, и пошла к своему роднику, и опустилась в воду, и ушла в мать-сыру землю. И стало кругом белым-бело, холодно-холодно. Люди оделись в шкуры, как звери. А потом стали они везде искать и

---

³ Боз – имя вождя антов (IV в.), объединившего славянские племена и распятого готами. О нем упоминает готский историк Иордан (VI в.) (О происхождении и деяниях готы. М., 1960).

⁴ Бортник – человек, занимавшийся сбором меда лесных пчел. Араб Ибн-Русте (X в.) писал: «Из дерева выделяют они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный собирается. Хмельной напиток приготавливают из меда» (История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 76.)

⁵ Миф об умирающем (или уходящем на зиму) и воскресающем (возвращающемся) божестве известен во многих древних земледельческих культах (Египет, Греция, Малая Азия и др.) Существовало ли нечто подобное у славян – неясно, но само настойчивое зазывание весны, как будто бы нет уверенности, что холода обязательно пройдут и природа оживет, возможно, говорит в пользу такого предположения, как и сопровождаемые ритуальным смехом похороны кукушки, Костромы, Ярилы. Также чрезвычайно архаичным является мотив первоначального человеческого греха, за который людей наказывают, правда, чаще потопом, чем оледенением и похолоданием.

беречь тепло и передавать его, чтобы согреть друг друга. Зажгли очаги и открыли двери для странников. И солнце увидело это и сжалилось, растопило снега, вернулась к ним Весна. Но теперь каждый год зима все равно приходит.

С той поры нам и остался закон слушаться солнца и не обижать землю. Ведь вдруг не возвратится Весна.

На другой день дети разгребали на пути ручья, бегущего с холма, снег. Вдруг самый светловолосый из них, задрав голову, взглянул на лохматое небо.

– Что там, Светик?⁶

– Жаворонки. Побегу, скажу Веснянке.

К вершине Ярилиной горки уже спешили люди. Многие несли длинные шесты с привязанными к ним на нитях птицами, испеченными из теста⁷. Ветер раскачивал их, они казались летящими.

Запыхавшись, на холм взбежала Веснянка и, протянув руки к небу, запела⁸:

*Благослови, мати,
Ой, дид-ладо, мати,
Весну закликати,
Зиму провозжати,
Ой, рано-рано,
Зиму провозжати.*

Из-за леса слышались далекие голоса:

*Нам холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги
Отморозила*

Там, за оврагами, за озерами, люди тоже взбирались на холмы, деревья, крыши сараев, переговариваясь:

– Веснянка запела!

– Это ее голос.

– Как звенит, из-за леса слышно.

– Недаром говорят, что ее любит солнце.

---

⁶ Светик от Святovit. В священном городе балтийских славян Арконе находился идол Святовита – «бога богов» («Deos deorum»), бога-победоносца, подателя плодов земных; «все остальные боги считались как бы полубогами перед ним». Гельмгольд и Саксон Грамматик (XII в.) сообщают, что ему был посвящен белый конь, в руке он держал рог с вином. (Гильфердинг А. История балтийских славян. СПб. 1874. С. 161—167.) В русских сказках аналогичное – Световик.

⁷ Встреча весны, праздники и гулянья начинались на Руси с прилетом птиц: «Дети собираются на огородах и приносят с собой куликов, которых пекут из пшеничного или ржаного теста. Иногда они называются жаворонками. Их привязывают нитками к шестам, которые втыкают в одонки. Ветер качает куликов, так что они представляются как бы летящими, и дети поют или же, отвязав куликов, берут последних руками за крылышки, то опуская их вниз, то подымая вверх, и таким образом они представляются летящими» (Шейн. № 1175. С. 337). Встречали птиц так же в Германии, Греции и т. д.

⁸ Веснянки (весенние заклички) отличались особым напевом, похожим на ауканье, и особой манерой исполнения. «Хоры разных деревень перекликаются так, чтобы пение их не умолкало и где-нибудь, хоть вдалеке, да слышалась песня» (Аничков-Е. В. Весенняя обрядовая песня... С. 89—90; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб. 1849. С. 50; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. III. М., 1838). О весенних песнях в средневековой Франции «...поэзия трубадуров... У нас есть основания полагать, что она многим обязана поэзии народной. Ведь не раз к этому животворному источнику обращалась литература разных народов и разных эпох. К фольклорной традиции восходит, видимо, «весенний запев», встречающийся в провансальских кансонах. (Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов)

– Споем и мы.

*Приди, Весна, к нам с радостью,
С великою к нам милостью,
С рожью высокой,
С корнем глубоким,
С травами росистыми.*

Услышав их, Веснянка и стоявшие крутом люди подхватили:

*Ты, Весна моя, красна,
Ты веселая,
Развеселила ты все горочки...*

Она каждый год боялась, что, если не позвать птиц, улетят они обратно в Вырей⁹. И таким звонким был ее голос, что все поверили, будто может она закликать весну.

*Уж ты пташечка,
Ты залетная,
Ты слетай
На сине море,
Ты возьми ключи весенние,
Замкни зиму,
Отомкни лето.*

В высоком небе откликнулся жаворонок. Когда-то давно он также зазвенел и, схватившись за светлые нити, тянувшиеся от него, она запела. С той поры ей ведомо колдовство песни, и люди прозвали ее Веснянкой.

В оживающем воздухе ей вновь отвечали с дальних холмов. От реки, из-за болота, леса долго разносились, переключаясь, песни.

Вечером Веснянка, Ярилка и Светик сидели в избе и пытались уловить те тихие звуки, о которых говорил старик.

– Что это шумит? О чем?

– Ветер шелестит.

– Нет, не только.

Веснянка подошла к двери. Кругом еще был снег, но что-то теплое шло от кустов, деревьев, будто туман. В нем уже чудилось глубинное таянье.

– Вот, ручей.

– Или река.

– Самое важное, дети, учитеесь жизнь слушать.

Старик, отец Веснянки, вдруг насторожился:

---

⁹ Вырей (вырий, ирий, рай) – счастливая солнечная страна, откуда прилетают птицы весной и куда уползают зимой змеи. Известна по отрывочным этнографическим записям. Например, в 1980 г. в Полесье (Черниговская область) еще бытовало предание, что осенью (на Воздвижение) в земле раскрывается «здуховина» и змеи уползают через нее в Вырей, который очень далеко, может быть, на другой стороне Земли. Владимир Мономах в «Поучении детям своим» (XII в.) пишет: «Сему ся дивуемся, како птица небесная из ирия идут». Афанасьев и вслед за ним Рыбаков считают Вырей еще и счастливой страной (подобной Валгалле), где обитают души умерших. (Афанасьев. Т. П. С. 137—142; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 275-276.)

– А это что?

– Это не ветер... Что это? – спросил и Светик, недоуменно глядя в темноту за дверью.

– И я не пойму. – Ярилка нахмурился. – Это шаги... но не человечьи.

– Я сейчас посмотрю.

Веснянка выглянула наружу. Пахло влагой, с реки слышался неясный гул. Вдруг она вскрикнула. Около леса появилось что-то большое, темное, похожее на человека, если б не горящие глаза, метнулось к деревьям и исчезло. Показалось или, быть может... оборотень?

– Отец, – Веснянка испуганно вбежала в избу, – там кто-то приходил. Кто это?

Старик нахмурился. Вспомнил тот слух, что на днях рассказывали охотники, они еще все говорили – не к добру это.

– Ну ходит кто-то, – прервал его тревожные мысли Светик. – Что вы замолчали – пусть появится хоть сам волк, человековолк, волкодлак. Ну и что? Лучше скажите, можно услышать, где рождаются слова? Веснянка, откуда ты их берешь, из горла?

– И я не пойму, – спросил Ярилка, – откуда берутся песни? Где их находит наша Веснянка?

Старик улыбнулся.

– Откуда они, никто не ведает. Отцы говорили, что людей научили песням ветры, реки и шумящие деревья¹⁰. А ты как думаешь, дочка?

– Не знаю, может быть, они рождаются в источниках и у корней трав? – проговорила Веснянка задумчиво. – Когда я смотрю на стебли в воде или на почки, которые распускаются, мне порой чудится, что я вот-вот пойму, откуда берутся песни.

Старик помолчал. Невнятный говор доносился то ли с реки, то ли от ручья.

– Пора, иди, девочка моя, ты совсем выросла. Выйди завтра на заветный холм рано-рано, положи хлеб и жди. Тебе уже пора услышать землю¹¹.

Снег продавливался; изредка она проваливалась, а под ним оказывалась талая вода. Он посерел, затвердел сверху, но чувствовалось, как внутри журчит и, быть может, уже впитывается в потеплевшую землю. Веснянка пошла по берегу реки. Вдруг раздался лопающийся звук, будто кто-то освобожденно вздохнул, подо льдом что-то шевелилось. На глаза ей попались ветки, черные, распухшие, ей захотелось их погладить, и она ощутила, как под шершавой корой болезненно двигаются, набухают соки, рвутся к почкам. У подножия холма она остановилась. Тепло, надышанное живым, обволакивало холм тонким, тихим туманом.

Где же весна? Может быть близко? Говорили, должна она прийти, попробовать твой хлеб. Раскроет в земле тайную глубь, тронет сок в деревьях, позовет из тьмы черной травы. Будет разговаривать, будить землю. И очнется в той ее сила.

Веснянка поднялась на вершину, к проталине. Положила хлеб там, где появились первые ростки... И, ощутив тревожное затишье, поклонилась в пояс.

– Весна-красна, приходи к нам скорее.

Ей показалось, что напряженно, в ожидании вытянутые ветви вздрогнули в ответ, а корни напряглись под землей. Тихо дымилось журчание родника. Ветки тянулись томяще. Тревожно за клубился туман... И когда она почувствовала, что ожидание становится невыносимым, – отступила с холма. Весна-красна любит приходить в мир и к людям незаметно.

---

¹⁰ «Отцы говорили, что людей научили песням ветры, реки и шумящие деревья»; «словаки догадываются, что человека научили песням небесные ветры и шумящие дубравы». (Афанасьев. Т. 1. С. 328.)

¹¹ Древняя жертва оживающей земле и весне сохранилась в следующем обычае. «Как только станет сходить снег, бабы начинают раскладывать свои точки. На них они кладут кусочки пирога или хлеба, оставляют эти кусочки на всю ночь и приговаривают: «Вот тебе, весна-матушка!» (Сахаров. Т. 2. С. 50, Афанасьев. Т. П. С. 690; Этнографическое обозрение. 1891. №4. С. 187; Аничков. Ч. I. С. 140.)

Утром она проснулась до восхода солнца и побежала к проталине.

Ветки уже ожили, осветлели, будто кто подул на них зеленеюще-розовым облаком. И от этого все окутала затихшая теплота... В озерце отражаются березы. Красоту подвесенную не в силах описать человеческие слова, разве что песня. А у деревьев болели почки, тяжело и тревожно бродили в них соки, и первые злаки шевельнулись в земле. И Веснянка услышала.

Голоса земли были глубокими и тайными...

Она стояла тихо. Солнце поднялось высоко.

Вдруг из леса на холм выскочил заяц, за ним в чаще зашевелилось, и на опушке появился огромный волк. Он оскалил зубы. Девушка смело шагнула к нему. Он тихо, злобно зарычал.

– Ты ведь хороший, серый волк. Ты просто чаще рыщешь ночью и не знаешь солнца... Ты красивый. У тебя такие могучие лапы и смелые глаза, только немного злые.

Зверь изогнулся, прыгнул в ее сторону. Тут из леса раздался свист, чуть-чуть не допрыгнув до девушки, волк повернулся и исчез.

Веснянка дрожала, лишь что-то случайное спасло ее. Ночной зверь из темного леса не знал их языка. Неужели добро и солнце не так всеильны, как ей говорили?

Он теперь бежал в чащу. Ему было душно, страшно. Волк, волк. И застонал, ему захотелось оскалиться...

Веснянка так пристально смотрела на лес, что не заметила, как к ней подошел отец.

– Теперь пора. Созови, дочка, всех, да позвончее. Спляшите так, чтобы земля разбередилась и ей жарко стало. Помогите солнцу, пусть от вашего топота все цветы и травы повылезают¹².

Веснянка побежала с холма вниз, к деревне, и запела о том, что только что услышала у ожившей земли. Девичьи голоса подхватили припев:

Собирайтесь, девушки, собирайтесь, красные.

Теперь нам воля – воля-переволья

Ходить, гулять, скакать, плясать.

Теперь нам воля – воля-переволья

Скакать, плясать, в ладони бить.

Бортник подошел к старику:

– Сейчас все сбегутся из разных сел, из разных мест.

– Первый хоровод, Бортятя. Девки верят – коли не попляшешь, снег не сойдет. Чем веселее и гульливее, тем лучше, сам знаешь.

– Да, старики говаривали, кому не нравится ни радость, ни утешение, тот не любим и сам вовсе не любил.

Они пошли к подножию холма, к ним подошла женщина и протянула особые хлебцы¹³.

– Зерно из последнего снопа запечь не забыли?

– Что ты, Добрита.

– Так разносите всем.

– И я пойду, пора и мне, – проговорил бортник.

---

¹² Праздник первого цветка. «У германцев тот, кто усматривает первую фиалку, спешил объявить о том мирской общине; целая деревня сбегалась на указанное место, найденный цветок поднимали на шест, танцевали вокруг него, резвились и пели веселые песни. Подобно тому в южной России радуются появлению голубого ряста (*scilla bifolia*), одного из первых весенних цветов. На Украине, собираясь на полях, поселяне начинают скакать и причитывать: топчу, топчу ряст! дай, боже, потоптати и того року дождати!» (Афанасьев. Т. III. С. 684.) См. также: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М. 1977. С. 150.

¹³ О выпечке ритуальных хлебов, печений и кушаний на земледельческие праздники см., например: Рыбаков. С. 36, 175—180; Соколова. С. 146—148; Календарные обычаи... Весенние праздники; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978 и др. О символике праздников см.: Иванов, Топоров. С. 243-254.

– Опять за своим медом? – кричала вслед ему голосистая баба, уперев руки в боки. – Говорят, ты его не только в избе, но и в лесу запрятал? Где это? Уж не в дуплах ли? Подумаешь, велика ценность! Какое сокровище! Русалок приворожить хочешь? Да на тебя ни одна лешачиха и не посмотрит.

– Ничего ты не понимаешь! У меня такой мед, что после него даже и тебе целоваться захочется. – И бортник подмигнул, да так, что все лицо его скривилось.

На холме взад-вперед бегали дети, топчя и тревожа землю. От того сползал снег, журча ручьями, обнажая мокрую и теплую Ярилину горку.

– Хорошо бы еще меду на праздник.

– А где Бортята, куда пошел Бортята? Хмельная голова кругами вела его к лесу.

– Отойти-ка к лесу, – проваливаясь в талый снег, бортник прислонился к дереву, – тут покойнее. Глупая баба. Мой мед... у меня такой мед, что от одного глотка – ну все сразу видишь, все понимаешь. Воткак выпьешь... Хорошо здесь. Что это со мной?

Бортник сонно схватился за бороду...

Люди внизу копошились, толпились, пели. Леший прищурил глаз и присвистнул:

– Опять. Поспать не дадут.

Он спустился с вершины ели и крикнул в сторону:

– Нечего дурака-то валять. Идем смотреть на праздник.

– А может, снова к бортнику?

– Ты что, не видишь? Ему и без нас уже весело.

– И нечего тебе проказить, – стоя на четвереньках, бортник ухватил кикимору за скользкий хвост, – я и сам так умею.

Она обернула к нему лукавое звериное личико, высунула язык и протянула тонким голоском:

– Ы-ы-ы...

– Вот тебе и «ы». Совсем распоясались. Что я тебе – коняга, что ли? Уснуть нельзя, сразу тебе какая ни есть нечисть то рога приставит, то из бороды косы заплетет. Ну виданное ли дело из бороды косы плести?

Пока он это произносил, бывший в его руках хвост дернулся, да так сильно, что бортник не удержал его, и злодейка шмыгнула в кусты. Бортник погрозил ей вслед рукой.

– Нет, я тебе покажу, я тебе покажу. Ты думаешь, я какой простой мужик? Нет, я – бортник, я почище тебя колдовство знаю. Нет у вас такого права, чтобы из бороды косы плести.

Протерев глаза, бортник тоже подошел к холму и там, глядя на то возникающие, то исчезающие девичьи хоробы, спросил:

– Скажи, Добрита, почему ко мне все какая-то такая нечисть лезет, то кикимора, то лешаки, лохматики? Нет бы что-нибудь покрасивее, кому-то русалки попадают.

– А ты, Бортята, пьешь много да по лесам много шатаешься.

– И прицепятся так ведь, что не отвяжешься.

– А ты потише, а то еще обидятся. Дружить со всеми надо, это ведь хорошо, что они тебя привечают.

– Уж очень беспокойно. Да и мне вот кажется, что они к меду пристрастились. Кто-то его у меня тайком потягивает. Вот как выпью, они сразу где-то и пошевеливаются.

– Это еще надо подумать, они ли? До твоего меду и без них много охотников.

– Тише, – попросили рядом. С вершины холма донесся звонкий голос Веснянки:

Солнышко-семенушко,

Выгляни, красное,

*Из-за гор-горы!
Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ль ты, ведрышко,
Красную весну?
Встретило ли, красное,
Ты свою сестру?
Видело ли солнышко,
Старую Ягу.*

– Это еще что? – Бортник хлопал глазами. – Опять леший или кикимора? Наши девки как начнут плясать, землю разбудят, всех их растревожат – на кого только не наткнешься. Смотри, что за чудище! И меду вроде не много выпил. Нечисть страшная, но не кикимора, эту я хорошо знаю, вроде и не домовой...

Из толпы танцующих выбежал кто-то диковинный, в шубе, одетой наизнанку, на боках у него торчала солома, на шее и руках бренчали колокольчики¹⁴.

*Бабу ли Ягу,
Старую зиму?*

Пели девушки, махая руками и прогоняя чудище.

*Как она, лютая,
От весны ушла,
От красной бегла,
В мешке стужу несла.*

Оно помчалось вниз, волоча за собой к подножию холма большой громыхающий мешок.

*Холод на землю трясла,
Сама оступилась,
Под гору покатилась.*

Чудище вправду оступилось и покатилося кубарем, за ним из мешка посыпались разбитые горшки, зернотерки, всякий сор. Внизу оно остановилось, шуба развернулась, и из нее выкатился измазанный сажей Светик. Бортник подхватил его на руки.

– Экой ты у нас стал!

Черепки и хлам, выпавшие из мешка, парни собирали в кучу.

– Сожжем это в первом весеннем костре¹⁵!

А девушки тем временем встали в круг около цветка.

– Гляди-ка, как расцветилось!

---

¹⁴ Ряженный, олицетворяющий зиму, холод, болезнь, и шуточное его изгнание также распространены по всей Европе и у славян (изгнание Морены, или смерти). В средневековой Франции «...из хоровода подданных «королевы весны» изгонялся скучный «старый король», символизировавший одновременно и зимнюю стужу, и нелюбимых старых мужей. Как раз эта анонимная песня-пляска в свое время приводилась в качестве доказательства связи древнейшего пласта старопровансальской лирики с весенними обрядами» . (Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов)

¹⁵ О зольниках, огромных ритуальных кострах, распространенных на большой территории, в которых сжигались солома, старый мусор и которые имели очистительное значение, см.: Рыбаков. С. 304— 318.

Теперь стало видно все девицы по-весеннему нарядились. Разноцветный их хоровод казался снизу венком, надетым на холм. Он закрутился, завертелся.

– Красота-то какая!.. Как на подбор!

Чернобровый бортник подмигнул бабе, стоявшей рядом.

– Срамотник, скоро уж в землю, а все туда же, заглядывается.

– А как ты думаешь, отчего у меня мед такой сладкий? То-то и оно, кабы на них не дивовался, давно бы все скисло.

–Словно вьюн водят, словно вьюн!

Но вот девушки остановились на вершине.

– Веснянка, красавица, спой песенку!

Среди пестрой толпы пришедших к Ярилиной горке те, кто впервые попали на этот праздник, увидели, как в круг вышла девушка-подросток с русой косой. Она сначала стояла, опустив голову и держась рукой за горло, как будто силясь преодолеть что-то, а потом подняла просветлевшие глаза и... запела.

*Солнышко-ядрышко!
Выгляни, высвети,
Твои дети плачут,
По камушкам скачут.*

Танцующие опустили руки. Кто-то задумчиво вышел из хоровода, сел на поваленное дерево, кто-то прикрыл глаза, а один простоватый малый стоял, разинув рот. Где-то высоко-высоко в небе летел жаворонок... И от чистого, светлого голоса лопались первые почки.

*Солнышко-ядрышко,
Вылети из-за моря,
Вынеси-ко, солнышко,
Звонкие ключи.
Отомкнуть землицу,
Выпустить травцу,
На травцу росицу.
Выпускай траву зеленую,
Расстилай росу медвяную.
Ой, да выпусти росу,
Девицкую красу,
На раннее лето,
На буйное жито¹⁶.*

Песня кончилась, и она тихо вышла из круга. И вдруг откуда-то из лесу в хоровод вбежали, закружили всех какие-то молодцы. Первый, стремительный, высокий, подхватил стоявшую рядом с подружкой певицу, и хоровод понесся, натываясь на деревья. Кто-то, не выдержав, со смехом покати́лся кубарем, все разбежались в разные стороны. Незнакомец почти больно

---

¹⁶ Представления о звонких весенних ключах, которые раскрывают землю и отпускают наружу все живое, сохраняются в песнях, обрядах и отмечались многими исследователями. «Ключи, которыми отмыкается земля и выпускается на волю и живая растительность, и роса, и теплое время, только еще шевельнулись в земле». (Аничков. Ч. 1. С. 124.) «Мотив отмыкания или замыкания зимы, весны, лета, обычно приуроченный к Юрию, птице, пчеле... Кроме упоминания этого мотива в юрьевских песнях, следует отметить и отражение его в весенних юрьевских обрядах, во время которых скот перегоняют через замкнутый замок. У западных славян функция Юрия – открывание ключом дверей земли, после чего и наступает весна. До этого момента жизнь, плодородие заперты, а ключи находятся в распоряжении Морены, связанной с зимой и смертью». (Иванов, Топоров. С. 194 195.)

сжимал ей руку. Она, наконец, попыталась шевельнуть зажатými в его большой ладони пальцами и подняла свой тихий взгляд на него. Но тут же... почему-то опустила глаза. Рука горела. Вокруг них закружились девушки.

*Что на нашей улице
Девки танки водили,
Ой, рано-рано, танки водили.
Ой, откуль взялся
Молодец с кошищем,
Он тех девочек
Да-й разогнал.
Свою ладушку
Да-й за ручки взял.
А все девочки
Да-й заплакали,
Ой, рано-рано,
Да-й заплакали.*

Он быстро взглянул на поющих, выпустил ее руку, выбежал из круга и исчез в лесу. Вслед ему послышался девичий смех.

– Что, певунья наша хороша?
Веснянка стояла, запыхавшись, ничего не понимая.
– А он ладный!
– Высок.
Девичий хоровод сомкнулся вокруг нее.

*Как разгорелось солнце красное
Над рощею, над сырým бором.
Как раскрылись цветы,
Цветики весенние.
Ой, расцвело у девки красной сердце,
Ой, лило-лило, расцвело.*

Веснянка покраснела.
– Ой, как влетел, словно сокол! А наша певунья замолчала...
– Али ей этот молодец полюбился?
– Что вы, девицы, как ей такой заверти-закружи может понравиться? Нос как бревно, глаз как кочан!
– Оттого-то, знать, невесела.
– Да что вы к Веснянке прицепились! – Ярилка вступился. – Парень как парень, покрасне многих, мало ли кому наша Веснянка приглянуться может.
– Однако что ж она задумалась?
Но тут Светик потянул за руку самую языкастую и озорную девушку в хоровод, Ярилка – другую, и все снова закружились.

*Сходим мы вдоль по ельничку,
Вдоль по ельничку.
Спросим мы
Рощу по рощице:*

*«Роща ль моя, роища,
Вот какова!»*

– Экой тут молодец появился, как они расплясались! – снова заговорил со стариком бортник.

– Да, славно пошло, аж земля звенит. Еще бы меду. В твоём напитке мудрость солнца, Бортятя.

– Меду наварю много! Ты смотрел вчера ночью на небо? Звезды-то как набухли... того гляди, прольются живым соком в землю, на цветы. Пчелы соберут его. Мед будет чудный¹⁷.

И пусть людям будет весело, как поющему лебедю.

И протянув руку к обнажившейся земле – туда, где кружился хоровод, бортник пропел свое заклятье:

– Когда мы мед возьмем ложкою, да не будет заметно следа. Когда мы мед возьмем ковшом, да не останется следа. Когда мы его возьмем братиной, да не останется следа¹⁸.

И вдруг рассмеялся:

– Вот он где, мед-то, самый сладкий. Смотри,
Добрита! А Малуша-то!

Неповоротливый малый выбрал востроглазую девушку. Она на бегу поцеловала его, но, когда он протянул руку к ней, вырвалась. Он погнался за ней. Она, смеясь, пряталась за Светиком, за Ярилкой, потом побежала вниз к Бортятю и Добрите. Обхватив бортника за плечи, встала за его спиной.

– Загородил бы своей бородищей, Бортятя, вишь она у тебя какая! Всех девок запрятать можно.

Наверху хоровод окружил, не отпуская, незадачливого парня, который вертел головой, пытаясь за танцующими высмотреть озорницу.

*Кто с нами, кто с нами
Пашенку пахать?
Кто с нами...*

– А земля-то гудит, пляски да песни горячат, как солнце, Бортятя, от них снег быстрее сойдет.

До позднего вечера кружились хороводы на Ярилиной горке, топча и пробуждая землю.

Веснянка закинула руки за голову.

Большие коричневые стволы сосен высвечивало солнце. Пахло ласково и спокойно хвоей, прилепившимися к ней каплями смолы, прошлогодним сеном. Веснянка зажмурилась.

Если открыть глаза, – небо сине-сине... А ведь на горке она испугалась, но сейчас, когда вспомнила его горячую ладонь, ей чудилось, будто выпила сладкого меду. Кто он? Разные люди приходили на их праздник, но тот, кто так резко схватил ее за руку, не был похож на соседей из ближних сел.

---

¹⁷ Звезды и мед. «У славян существует поверье, что мед падает с неба на цветы, а с цветов уже собирают его пчелы. На Руси дают росе эпитет медвяная». (Афанасьев. Т. 1. С. 374.); «также у греков есть поверье, что «мед происходит от небесных звезд, и пчелы собирают с цветов только воск». (Там же. С. 388.)

¹⁸ Заклинание бортника. Аничков ссылается на интересную вотякскую молитву, произносимую дзек-попом на первых проталинах. Кончается она так: «В то время, когда мы поволочем-потянем зерна с овина... пусть людям будет весело, как поющему лебедю! Когда мы зерно возьмем ложкою, да не будет заметно следа. Когда мы возьмем ковшом, да не останется следа. Когда мы возьмем корзиной, да не останется следа». (Ч. 1. С. 104.) У славян, очевидно, тоже были подобные заклинанья, которые у их соседей сохранялись дольше вследствие поздней христианизации.

– Боюсь я, Весняночка, растаешь ты у нас, Ярилка присел рядом. Пошли теперь игры, только держись, а еще тот чужой добрый молодец!

– А откуда он?

– Вот уж не знаю, никогда его не видел, хоть я, кажется, со всеми знаком. Как я мог такого не приметить?

– Вот-вот, скоро у вас всех девиц из-под носа умыкнут.

– Ну тебя уж не дадим, ты нам как светлая песня, – он лукаво подмигнул. – А хорош был молодец.

– Все-то ты за другими смотришь. Пора самому завести подружку, травень уж на дворе, скоро росы да цветы пойдут.

– Твоя правда, Веснянка. Всех кругом как заколдовали. Ходота по лесу ходит и вздыхает, как шальной, скоро так надоест лешачихам, что затянут они его в чащу. А все оттого, что его Малуша на празднике сдуру поцеловала.

– Да кто ж знал, что у него от этого ум за разум зайдет?

– Веснянка, – Ярилка вдруг задумался, – я и сам какой-то чудной, право. Хороши наши девицы, и смех у них звонок. А вот у меня будто тревога, к чему-то дальнему тянет... Все кругом такие спокойные, ясные, вот и ты вся насквозь светлая, как солнышко.

– Что ж тут дурного?

– В том-то и дело, что уж очень хорошо. А у меня, может, как у твоего отца. Помнишь, что про твою мать рассказывают? Зовет меня что-то, а куда, зачем – не пойму, хожу по лесу и жду чего-то, все мне дивно: звери воют, в траве цветов блеснет.

Веснянка улыбнулась.

– Вот ты и попроси Ходоту, чтобы тебя с лешачихой познакомил.

– Ну, лешачиха может быть злая, с ней не сладишь, а вот русалочку бы какую-нибудь встретить... Что ты смеешься? Только тебе такое и расскажешь. Другим бы не стал.

– Кому ж еще, сызмальства вместе в лес ходили, а теперь тебя и не дождешься.

– Я сейчас иду охотиться. Хочу шкуру к празднику добыть.

Веснянка нахмурилась.

– Не люблю я, когда ты зверей убиваешь.

Все рассказывают, у нас в лесу страшный зверь появился, то ли леший, то ли оборотень. Волк, волкодлак... да какой-то колдовской. Люди из-за болота говорят, не к добру он в наших краях. Вот если бы его шкуру снять.

– Волка – можно, старики всегда говорили, что он зверь тьмы.

– Вот я и пойду, поищу его.

– За болото далеко не забредай, а то леший начнет водить.

И Веснянка снова запрокинула голову и стала смотреть в светлое небо.

Люди спрашивали, где она научилась петь, – от него. Кто испытает силу неба – оно необозримо, в нем птицы летают. Среди облаков небесные коровы дают людям дождь. Часто, глядя на него, видела Веснянка неведомые ей села, огромные реки, посреди них острова, прекрасных женщин с распущенными мягкими волосами, сильных воинов, диковинных зверей – они жили в нем далекой и таинственной жизнью. Иногда ей виделся то ли человек, то ли птица, в тревожном порыве раскинувший руки. То возникал корабль, а потом он оказывался не кораблем, а чьим-то странным лицом или прекрасным раскидистым деревом.

Веснянка иногда думала, как скучно было бы жить, если бы всего того не было на небе. Если бы было оно не таким высоким, а низким и простым, как стены в доме. Ей кажется, что и люди были бы тогда глупее, не умели бы петь и любить. Правду говорила бабушка: «Смотри чаще на него в боли и в радости, душа станет чище».

Люди боялись Перуна¹⁹. Веснянка и сама часто вздрагивала от его ударов. И все же, каким красивым было небо, если по нему плыли облака. Когда они обволакивают его, оно становится ближе. А иногда облака словно отдалялись и от лучей солнца так причудливо и маняще светились розовато-золотым светом. Наверное, нам тогда и видится чудная страна закатного солнца²⁰.

– Весняночка, ты где? Щука хвостом лед пробила²¹, да еще как! Слышишь?

Люди сбегались к реке, обступили ее берег. Там -треск, движение. Казалось, что река силится вздохнуть. Тяжело ей вскрываться, трудно. А как вскроется, разольется, по той воде приплывет весна. Река напряглась, будто живой, могучий и сильный человек. До вечера стояли около нее люди.

– Река-матушка! Еще чуть-чуть. Ну, разорви лед! Пусть твои воды всегда быстро текут. Омывают берега, травы. Ты видишь все. Принеси нам добро. На тебе, возьми от нас. – Они бросали крохи хлеба на лед и в уже открывшуюся воду. Льдины, неровно ломаясь, стали наползать друг на друга.

Несколько ночей шел треск, разговор на реке, а потом, будто в благодарность, река одарила их подарком. Когда стояли последние льдины, река раскинулась и вынесла лодку.

– Смотрите, какая чудная ладья!

К песчаной косе пристала большая однодеревная лодка. Высокий загорелый человек с черной бородой под гомон ребятишек спрыгнул на берег. Он весело и удивленно разглядывал кучку уютных изб, поле, могучие коричневые сосны. Сбоку высокий холм, у подножия его родник, маленькое озерцо, окруженное кустами, а за холмом веселая березовая роща. Все было родным и простым, как будто давно уже снилось в детстве. Какой теплый песок на берегу... Ему неожиданно захотелось по мягкой солнечной пыли на дорожках бежать куда-то беззаботно... Гость²² стоял пораженный, ему вдруг показалось, что он, видевший чудеса всего белого света, потому и мял дороги, что всю свою жизнь только и стремился пробежать по этим тихим тропкам. Вот наваждение... Он ступил на берег и как-то неуверенно потрогал песок под ногами. Странное колдовство от этого незатейливого места.

К реке сбегались люди, они оживленно переговаривались, пока не вышел на берег высокий седой старик с открытым взглядом. Все замолчали. Он поклонился в пояс.

– Здравствуй, гость дорогой. Наш дом – твой дом. Ты устал с дороги. Выпей нашего меда и отведай нашего хлеба. Твой приезд в великую радость нам.

Гость поклонился.

– Спасибо, добрый человек. Счастье этой земле! Весело у вас тут. Красиво ваше село, много я объездил, и за морем был, и дивней дивного чудеса видел, а так светло, как у вас, будто нигде и нет.

Его окружили и под гомон ребятишек повели к селу.

С приездом гостя селяне стали подолгу засиживаться по вечерам. Днем они пахали. Поклонились земле:

– Прости, земля-матушка, что взрыхлили твою грудь. Мы не возьмем лишнего.

¹⁹ Перун – бог молнии и грома, главное божество восточнославянского пантеона. Упоминания о нем в древнерусских письменных источниках многочисленны. В «Повести временных лет» ред. 980 г. есть описание и внешнего облика идола Перуна (см. прим. 50).

²⁰ «У чехов сохранилось поверье, что у солнца есть свое царство за морем, что там вечное лето и что оттуда прилетают весною птицы и приносят на землю растительные семена». (Афанасьев. Т. III. С. 261.) См. также прим. 9.

²¹ «К 17-му числу (марта) лед на реках становится настолько непрочным, что, по народному выражению, щука его хвостом пробивает». (Афанасьев. Т. III. С. 684.)

²² Гостями в Древней Руси называли иноземных купцов.

Зарыли в жертву хлеб на поле, напоили поле медом²³. И днем сохи врезались в ее мягкое тело, переворачивая тяжелые влажные комья. В теплую черную глубину бросали нежные крошечные семена, прятаящие в себе будущие жизни.

А по вечерам, усталые и веселые, люди рассаживались вокруг гостя. Приходили послушать его и из соседних сел, из-за болота.

Гость привез чудные заморские товары²⁴.

– Чего только нет на земле. Какая радость все увидеть!

Девушки вертели в руках ткань, прохладную и гладкую, как вода.

– Что за чудный цвет! Как закатное солнце! – Веснянка разглядывала алую краску. – Этим я выкрашу пряжу.

– Это из далекой страны. Та страна у моря. Оно такое же, как река, только без конца и края, и волны бьются о берег, как большое сердце.

– Наверное, те люди счастливее, и песни у них дивнее, чем у нас, – Веснянка внимательно взглянула на гостя. – Мы ведь им научились у ветра и рек. Я бы хотела их услышать.

Гость задумался. Ему полюбились веселые, добрые люди. Дети брали его за руки и тянули в лес, парни водили на охоту, девушки дарили цветы. Но душа его особо светлела и успокаивалась, когда он слышал голос этой тихой девочки.

– Да, у них прекрасные песни. Но тебе, Веснянушка, и без моря открыто что-то, какая-то тайна.

– А у нее это от весны, – Светик наклонился к гостю. – Никто не знает, кто ее мать. Люди думают, может быть, сама Весна.

Ярилка указал на Светика:

– А он родился на светлой зорьке. Оттого и волосы у него такие золотистые. Имя у него, как у бога: Световит, Световик, а чаще Светик.

– А Ярилка – на Купалу²⁵. Его во всякий праздник от костра не оттянешь.

Гость оглядел их.

– Никак, вы все по рождению от света?

– Апчхи! Ой, что это? – прервал его Ярилка.

– Это ж перец! Положишь в еду – как будто съешь огонь.

– Ты привез нам все это, и в каждом заключен кусочек тех дальних стран, – старик благодарно посмотрел на гостя, – огонь солнца в перце, красота в шелке, яркость в красках. Спасибо тебе. Но самый большой подарок нам – ты сам, добрый человек. Через моря, реки привезти добрые вести, воду испить из всех родников...

Все остальные тоже с благодарностью обернулись к нему, а он, когда смотрел в их ясные, спокойные глаза, как будто понял, почему они так беззаботны. Еще давно, когда он плыл по шумной большой реке, в прибрежных селах ему рассказывали, что где-то на ее притоке живут люди, любимые солнцем. Странно говорили о них – одни с радостью, другие с тайной завистью, третьи будто сомневаясь. Говорили, что не приносят те кровавых жертв богам, а только цветы, плоды. И боги не гnevаются на них, и потому они храбры, нет страха в их душах; а кто верил, что все дело в Священном роднике. Последним проезжал гость село за болотом, и ему показалось, что он не туда едет. Люди там были просты, не лучше, не хуже многих других – кричали, торговались. И вдруг за поворотом открылся этот холм.

²³ Жертва полю. Об обрядах, связанных с первой пахотой, см.: Соколова. С. 166.

²⁴ Гость привез те товары, которые были характерны для импорта в русские земли до XI—XII вв. См.: История культуры древней Руси. Т. 1. С. 327—334.

²⁵ Купала – главный праздник в году, день летнего солнцестояния, когда вся растительность, огонь, вода приобретают, по поверьям, чудодейственную силу. Свидетельств о Купале очень много. Напривер: «Еще накануне Купалы роши, берега рек, лес и луга оглашаются веселыми хороводными песнями, и парни и девушки вместе ищут чудодейственные травы вдали от строгих глаз матерей и отцов». (Максимов. С. 473.)

– Это, наверное, тоже из той дивной страны около моря? – Малуша протягивала цветок, искусно выделанный из серебра.

Гость кивнул.

– Там есть высокие дома – дворцы из камня, из него же делают то ли людей, прекрасных, как боги, то ли богов, похожих на людей.

– Об этом и мы слышали.

– А бывают страны, где бабочки большие, как птицы, и края, где тепло всю зиму и не бывает снега? Скажи, – Веснянка с надеждой взглянула на него, – ведь есть же там страна, где всегда весна, всегда цветы, куда улетают птицы? – и она указала в сторону заходящего солнца.

– Не знаю, девочка, может быть. Много есть чудес на свете. Только вот какая самая большая загадка...

Гость на мгновение замолчал. Он много видывал на своем веку. Не внове была ни девичья краса, ни жестокость. Он наклонился к старейшине:

– Добрита, в чем ваша тайна? Вы тихие. Люди везде бьются друг с другом. Вам же словно ничего не надо. Может, вы вправду дети солнца, оно вас особо любит?

– Ошибаешься, добрый человек, нам много надо, да не нужно злого. Злость сжимает душу, и человек слепнет. Скажи, разве можно понять небо злому человеку? – Старик поднял руку к просвечивающей сквозь черную тучу голубизне.

– Ну, уж видит его всякий, и добрый, и злой.

– Он видит глазами, но не сердцем. Увидит и пройдет мимо. И умрет, не поняв ничего. Можно знать все на свете, но если не чуют, как пахнет земля, как ей холодно и тепло, как родники прорезают ее, словно кровь...

– Да, я слышал, вся ваша сила, все счастье в роднике этом.

– Родничок как родничок. Каждый родник – чудо. Правда, никто не обижал его и ни разу не взмутил.

– Ну куда же ты! – Светик вскочил, пытаясь отогнать бежавшую к людям корову.

– Ой ты, егоза, ну не идет! И вербовым прутом бью, а не идет! Дедушка, пора кликать звезду, пускать их на луга²⁶. Не сидят дома.

Разговор оборвался. Все побежали загонять скотину.

Сев продолжался. Семена ложились в землю, и люди ждали, когда проснется в них их святая сила.

Сумерки пришли на село, опустились на холм, на лес, на дикое и дальнее болото. Лес оживал, оттуда слышались звериные и птичьи голоса.

Вокруг загородки для скота собрались жители из соседних сел. В темноте у многих был дикий вид: у кого-то торчали длинные уши, как у зайца, у кого-то на голове – колода, среди них бегали страшилища в шкурах, похожие то на волка, то на лису, то на медведя. Гость никого не мог узнать. Ряженные рычали, подражая лесному вою, старались прилепить старикам хвосты, гонялись за девушками и пугали их, те вскрикивали так, что стало казаться, будто весь дикий лес приблизился к дверям хлева. Старики расстелили в воротах шубу вверх мехом, в нее завернули кусок хлеба, яйцо, пастухи стали перегонять через нее скот, стегая вербой:

– Не я бью, верба бьет.

– Верба хлест, бей до слез.

Но только скотина оказалась на лугу, как испуганно замерла, сбиваясь в кучу. Вся зверино-человеческая орава бегала вокруг, улюлюкая, кто-то катался по земле. Один из пастухов поднял с земли шубу, надел ее, взял факел, в другую руку – вербу и обежал три раза вокруг

---

²⁶ Об интересном обряде первого выгона скота, сочетающем в себе и формы ряженья и заговора, см.: Соколова. С. 166.

стада. Звери, будто испугавшись огня, отошли в темь. Тогда пастух остановился и требовательно позвал:

– Заяц, заяц!

Невысокий человек с закутанным лицом и длинными ушами вышел на край освещенного факелом круга.

– Горька ли осина?

– Горька.

– Пусть же наша скотина будет так же горька волку.

Пастух ударил его вербой, и тот убежал. Звери выходили на требовательный голос пастуха, стараясь держаться в тени.

– Лиса, лиса, быстро ли ты бежишь от огня?

– Куда уж быстрее!

– Так пусть же волк так же бежит от нашего дома.

– Волк, волк!

Кто-то могучий в шкуре встал около светлого пятна от факела.

– Темен твой лес?

– Темен.

– Наш дом светел. Уйди от нас!

И пастух сделал шаг к нему, взмахнул сильнее прежнего факелом и ударил того вербой. В отличие от предыдущих ряженных этот замер, долго не двигаясь с места, потом повернулся и исчез в темноту. Мой путь – путь волка, черный лес меня спасет и мне поможет. Глубже, в чащу... Мой путь – путь волка, путь волка... Вслед за ним с шумом помчались и остальные, прячась в деревьях, в кустах, свистом ответили им настоящие звери, убегая в дикую темноту лесного чрева.

Они возвращались уже в обычных одеждах, спрятав маски и шкуры. Веснянка подошла к Ярилке.

– Волком ты был?

– Нет, скорее всего кто-то из-за болота, они любят рядиться в таких зверей. Зря ты спрашиваешь, все равно тебе никто не скажет.

Да, разгадать это было трудно, все уже стояли тихо и спокойно. А над ними появились звезды.

– Зажглись.

Торжественным светом залило луг, лес, людей, стадо. Светик запрокинул голову.

– Сколько их! Наверное, они горят, чтобы нам не было страшно.

Старик поднял руки.

– К добру это, да такие крупные.

Люди встали в круг.

– Как звезда загорелась на небе, быть хлебам высоким!

– Можно я? – Светик выбежал на середину круга. – Засветись, звезда ясная, по поднебесью на радость миру земному! Ты загляни, звезда ясная, на двор к нам. Ты освети, звезда ясная, огнем негасимым белоярых овец. Как по поднебесью звездам нет числа, так бы у нас уродилось овец более того.

– Ну вот, отогнали зверей в лес. Садитесь, у нас сегодня много гостей собралось.

Вечер был теплым. Все рассаживались вокруг старика и гостя на опушке леса. Гость спросил:

– Как это называется? Окликать звезду? Вы и со звездами разговариваете?

Сидевший рядом с Ярилкой и Веснянкой Боз вступил в разговор:

– А толку-то... Звезды далеко, разве они могут спасти от волков?

– Да ты, Бозко, как будто звезд и не замечаешь, не нужны они тебе, что ли?

Наклонившись к гостю, старик пояснил ему:

– Это наши добрые соседи из-за болота, мы дружны с ними.

– А зачем? Хлеб мне нужен, мясо, пахать надо, а не на звезды смотреть. И то правда, всякой звезде молитесь, и дереву, и воде... Да чем они лучше меня. И почему я должен ждать от них милости? Да хотя бы и так. Надо брать ее, а не выпрашивать. Давно я говорю, чем перед каждой березой песни петь, надо бы прорыть канаву, вода бы по ней из болота пошла, дорогу вдоль нее проложить можно между селами. Дома вокруг понастроить, побольше. И хорошо, и богато. Так ведь нет, не тронь их, деревья да холм этот.

Бортник пожал плечами.

– Да сколько раз тебе, Боз, надо говорить, честное слово, кикимора и та уж поняла бы. Канавы твои родники нарушит. А куда деть нашу березу, если вон там, – он показал рукой, – дорога. Не срубить же? Ради чего? Да эдак даже вся нечисть взвояет. На, лучше выпей меду, – бортник протянул Бозу чашу, – ежели вместо березы твоих домов понаставить, что ж из этого выйдет? Они вроде как черепа торчать будут.

– Вот это верно, – поддержал его пастух, – зачем нарушать красу земную?

– Нельзя не слушаться земли, – сказал и Добрита. – Ей и так больно, когда мы вздыхаем ее грудь. Мы все от нее берем, но обижать землю нельзя. Потому у нее и просим.

– Скажи, Добрита, ну не стану я слушаться твоих богов – и что? Убьет молнией?

– О нет, самая страшная кара тогда в тебе самом, Боз. Ты плоть от плоти, кровь от крови ее. И если уйдешь от закона солнца, придет страх. Ты будешь жить по-другому. А потом – смерть. И вот тут тебе станет страшно, когда поймешь, что все время отгораживался от жизни, от того, что в глубине ее.

– Это такой дар нам, мир наш, – поддержал Добриту пастух. – Каждой веткой надо любоваться и будто взять в себя. Иначе песня без вкуса, душа без тепла.

– Главное – знать, чем дышит трава, то истинное знание, – сказал кто-то.

– А зачем? – Боз пожал плечами. – Знать надо не чем дышит трава... Ну, сколько ее скотине положить, на зиму заготовить – это еще куда ни шло. Дерево растет, чтобы меня греть, поле – чтобы мне есть.

– Неправда, – старик покачал головой, – нет, она дана тебе и в светлую радость. Ты любишь ее, а без этого ты мертв, как сухой пенек, не пускающий побегов. Рассуди нас, странник. Если вырубить все рощи, Боз, земля высохнет, по лицу ее пойдут морщины, и улетят от нас соловьи. А если люди не услышат, как шумят березы, они перестанут петь песни.

– Ну, кому нужны твои песни, старик, и без них можно прожить, песнями сыт не будешь.

– В том, что ты только сыт, еще не истина. Ты будешь пахать, чтобы есть, но ты ведь умрешь, Боз. И все. А песня останется. В этом истина. И вот в этом, – старик указал на поле, на рощу, на звезды.

– В этом? Истина? – Боз усмехнулся.

Тут Веснянка, сидевшая рядом, отодвинулась от него.

– Запах земли, травы, – вдруг у нее расширились глаза. – Да ты, Бозко, всего того будто не чувствуешь, ты же слепой! За что же тебя обидело солнце?

Боз насмешливо взглянул на нее.

– Не говори так, дочка, – старик сурово покачал головой. – Боз – наш добрый сосед. Что ты?

Ярилка нагнулся и тихо прошептал ей:

– Эх ты, не нравится? А какой парень... Не бегал бы за тобой, по-другому бы с ним говорила, потому и пристаешь к нему. Все вы такие, – и подмигнул.

Веснянка отвернулась от него.

– Тоже мне, мудрец нашелся.

– Пойдем-ка мы, – гости из-за болота поднялись. – Хорошо с вами, да беспокойно в нашем лесу стало. Разное поговаривают. Дорога не близкая. Хоть и поугубили зверей, а боязно.

Когда они ушли и остались только жители Ярилиной веси, старик спросил гостя:

– Ты видел много, гость, на своем веку. Боз умный у нас. Но прав ли?

– Я слышал и раньше такие речи. Многие так думают. Но замечал я в них какое-то беспокойство, радости-то у них нет. А вот вы нашли что-то.

И вдруг гость посмотрел на всех них с каким-то мучительным, почти просящим выражением в глазах.

– Научи меня, старик, вашей мудрости.

– Ты правду сказал. Мне тоже кажется, они как будто не видят чего-то... важного, – старик то ли радостно, то ли удивленно вздохнул и раскрыл ладонь, будто поддерживая темный воздух. – Ведь человек рождается для счастья. Счастливый добрее, – он протянул руку во тьму, к лесу. – И мир, как чашу хмеля...

И какая-то звонкая, голосистая птица вдруг запела. Старик не договорил, а чей-то юный голос прошептал:

– Как чашу хмеля.

Вдруг в темноте над ними закружились белые, светящиеся.

– Бабочки, смотрите!

Одна, быстрая, пролетела над стариком, слегка задев крыльями.

– То души наших предков напоминают о себе, – он обернулся к гостю. – Не знаю, что тебе сказать, гость дорогой. Быть может, главное – слушать истину земли. Потому у нас люди хорошо жили и умирали спокойно. Земля брала их, как детей.

А бабочки все вились, вились над ними.

– Смотри, Веснянка, может быть, это бабушка прилетела нас проведать? Она ведь тоже умерла весной.

– Беда приходит в дом неожиданно, но если светло сердце, то дай бог всем ее встретить, как она. К старухе по вечерам заходили дети, люди, каждый день сказывала она им сказки.

– Дай бог, вам, деточки, счастья, будьте счастливы. Верьте солнцу и не обижайте землю. Она добра к нам, дети.

Однажды утром она попросила Добриту прибрать хату. И вот в погожий светлый день оделась в белую рубаху, тихо вышла утром к солнцу.

– Земля моя. За всю жизнь тебя благодарю. Ты тепла, щедра!

Долго любовалась красотой весны. А когда дети подбежали к ней, бабушка была мертва. Кругом было тихо, ясно и спокойно. Обсыпали зерном, отдали земле... И осталась ее песня Веснянке.

– Мы кончили сев, гость дорогой, выгнали стада. И теперь в честь великого солнца, которое приходит к нам, сделаем первый костер весенний. Сожжем холода, изгоним само зло. Если есть у кого печали, то и они сгорят. Огонь будет и в честь добрых предков, им весной возвращается память. В радость и скотье дедушке, он укроет скотину в лесу от злых зверей. Пусть это будет наш подарок и тебе, добрый человек. Ты возьми уголь от костра, и он будет тебя греть.

Старик обратился ко всем:

– Дети мои, земля оживает. Соберите хворост для костра. Пусть услышат и придут те, кто были нам дороги. Первая чаша им. Позовем их в дом, а завтра к костру.

Он поклонился в молчашую тьму поля:

– Святые родители, приходите к нам хлеба-соли есть. Вспомните нас, а мы вас помним.

В этот вечер тихо и сосредоточенно накрыли в избе старика стол, поставили на него напитки и кушанья. Из окна опустили полотенце.

– Дорожка, чтобы пришли они, – шепнула Веснянка гостю.

Вокруг посыпали пеплом. Потом прикрыли дверь и все вышли. По улице бегали, переговариваясь шепотом, парни.

– Это они для костра собирают мусор, тайно.

– Пойду у бортника что-нибудь стащу, – Светик убежал.

– Как тихо.

Веснянка улыбнулась.

– То ж радуница²⁷. Говорят, до обеда пашут, по обеду плачут, а вечером скачут, и смеху еще будет, ночью же вещие сны снятся.

– А разве хорошо смеяться в такой день?

– Конечно, песней веселой и надо умерших помянуть.

– Собирайтесь в дом.

Люди медленно заходили в избу.

– Смотрите! На пепле следы птичьих лапок!

Старик вылил первую чашу меда на стол.

– Радуйтесь с нами!

И пошла тризна.

А ночью Веснянке приснился сон...

И вдруг поняла, что в лесу никого нет... Никого. Даже леших. Деревья стоят мертвые, и не дозовешься. И тогда в какой-то забытой тоске она закричала: «Бабушка, бабуса!..» И побежала, протянув руки. Где ты? В тоске по этим теплым, мудрым рукам, до боли близким. Ведь никто, никто ее никогда больше не назовет так – Веснянушкой. Лес! Верни мне мою бабушку, мне страшно! И вдруг из леса вышла черная тень. Он был огромный и страшный, но такие жалостливые и добрые глаза... Протянул лапищу к ней. Веснянка прошептала: «Где бабушка? Она ушла в твой лес... верни ее. Она мне все объяснит, только она поможет». Тогда чудище встало на колени и все протягивало лапу... Она от страха схватилась за нее. И вдруг ей стало спокойно, как от бабушкиной руки.

На следующий вечер все собрались на Ярилиной горке. Подходили и из других сел незнакомые люди. У подножия холма лежала большая куча соломы, на ней – всякий сор, старые бороны, битые черепки, наверху торчали сломанные кадки от меда. Старик подошел к гостю.

– Сейчас зажжем священный костер из живого огня²⁸. Солнце любит и греет землю, земля рождает дерево, а мы освобождаем из него его тепло.

Как только зашло солнце, люди добыли трением маленький язычок пламени. Старик осторожно поднял его вверх, поднес к куче хвороста. И огонь слабо занялся.

– Гори, гори, холод лютый!

Уходи, зима!

Мы отгоним боль, и, если у кого есть какие печали, пусть они тоже сгорят.

Пусть не подойдет зло к нашему дому.

Уйди, все дурное.

Приди к нам, солнышко светлое.

Гори, гори ярче, огонь!

---

²⁷ Радуница – вторник на Фоминой неделе (неделе, следующей за пасхальной). Важный поминальный день, в который предки, по народным преданиям, посещают землю и свои дома. «Иногда устраивали поминки («деды» или «родичи») дома, полагая, что умершие придут ужинать». Вечер этого дня мог заканчиваться плясками и весельем («на радуницу утром пляшут, днем плачут, а по обедне -скачут»). (Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 382.)

²⁸ О добывании живого огня см.: Рыбаков. С. 32, 34.

Пламя взметнулось, занялось. И пошел плясать веселый бог, потрескивать.

– Пусть сгорит все старое!

Сломанное колесо полетело в огонь, за ним туда же с треском обрушились старые бороны, зернотерки, горшки. Молодцы, девицы, дети бегали по холму, кто-то останавливался, стараясь попасть в середину костра, чтобы взметнулось больше искр, и когда они ярко разбрызгивались, все радостно вскрикивали. Парни швыряли издали, с размаху, Ярилка раскрутил шест и кинул в костер.

– Вот лешаки, прибьют!

Он подбежал к недовольной бабе, поднял ее вверх на руках.

– Давай и тебя туда!

– Чтoб тебя понесло да бросило! Что я – хламье старое, что ли?

– Ну и шум! – старик присел рядом с гостем. – Того и гляди и нас с тобой туда же закинут. Этот огонь очистит. Смотри, дорогой гость. Жжем его и в честь мертвых.

Парни и девушки, растащив и перекидав всю кучу, затихли и торжественно стали вокруг огня. К костру подошли женщины, поклонились пламени, опустили на колени. И стали лить из чаш в огонь²⁹. Пламя вдруг по-особенному вспыхнуло.

– Напиток жизни, мед. Это для тех, кто ушел от нас. Пусть радуются они. Огонь в радость. Он от солнца, все согреет, сожжет и саму смерть.

– Это не радость, – гость стал серьезным. – Не пойму я вас все же. Смерть не радость. Умирать страшно, старик.

– Что же тут страшного? Страшно тому, кто не успел спеть свою песню или у кого душа неспокойна. А если сделал все по-доброму на белом свете, что же бояться вернуться к земле. Ты как цветок – дышал, хоть и отцвел, остались семена. И что-то новое родится, подобное тебе, но другое.

К костру подошли несколько человек и, высоко подкинув вверх, бросили в огонь деревянные ложки, приговаривая:

– Чтoб рожь такой же высокой уродилась!

– Я много объехал краев, старик. И во всех странах люди боятся смерти. Разным верят они богам, иногда я думаю, что многим из страха перед ней.

– Взгляни!

От пива и меда, все освещая, пламя взметнулось ярко. И с двух сторон от костра, разбежавшись, прыгнули навстречу друг другу юноша и девушка, над огнем их руки соприкоснулись, все кругом захлопали. Гость тихо наклонился к старику:

– Не страшно тебе все это оставить, старик? Я прожил много, я тоже уж пожил. А только вот... цветы, женский шепот и дыханье, блеск костра... жалко, что это уйдет.

– А после нас будет жизнь или нет, как ты думаешь? Где ты был, когда это столько раз уже рождалось, как зерно в земле? Ты ведь часть этого, добрый человек, мы все дети земли и солнца – и травы, и люди. Страшно было б, если б это все: песни, и шепот, и костры, и цветы – все исчезло с тобой.

– Но ведь ничего... Не дышать, не целовать, не смеяться, старик, ничего!

– Мы слишком любим жизнь, друг, чтобы бояться ее потерять. Боятся ее потерять лишь скупые... Если ты дышал, любил, радовался, жил по закону солнца, до конца выпил ее напиток – что ж тут страшного? А вот если ты не долюбил или кого обидел, – так и горько умирать.

А костер вновь вспыхнул высоко, почти до сосен. Парни, девушки, взявшись за руки, кружились вокруг него:

---

²⁹ «Льют мед в пламя», «вызывают души покойников, зажигая вино и лен, по цвету пламени судят о явлении душ». Гоголь И. В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. IX. С. 425, 426.

*Солнышко, тебе песнь споем,
Красное, тебе песнь споем,
Как разгорелось солнце красное
Над лесом, над сырým бором...*

От пламени просвечивали тонкие девичьи тела, за ними чернели сосны. Он повторил:

– Мы все дети земли и солнца: цветы, и птицы, и люди... это же живет.

Девушки подняли руки вверх и еще быстрее закружились.

– Разве это не бессмертье?

Старик встал.

– Приходи к нам, солнышко, приходи к нам с радостью!

И тоже поднял вверх руки.

– Видишь, оно послало нам свой огонь, наш костер, будто солнце на земле.

Добрита снова сел.

– И меня возьмет, и сгорю к солнцу. Чего же тут бояться?

Люди в хороводе замерли, потом тоже опустились на землю. А над ними, над огнем откуда-то из темной ночи тревожно закружились бабочки.

– Летите греться, вас помнят!

– Вот души предков!

Гость прошептал:

– Ты веришь, Добрита, скажи мне, что после смерти мы живем?

Старик помолчал.

– Этого никто не знает... От человека что-то остается в детях, в песнях. Он как часть жизни возродится. А вот как? Может быть, пока мы их зовем, помним, они живы?

– Спасибо, я понял. Зачем вам чудная закатная страна? Ваша мудрость тепла... Зачем вам куда-то стремиться? Вам и на земле светло. Истина твоя, старик. И я не умру спокойно, пока не расскажу про вас другим людям.

Добрита поклонился.

– Не знаю, многому ли я научил тебя, добрый человек. Мне мнится – ты мудрее нас. Тот, чья песня – дорога, любим солнцем, ибо разносит его свет. Оставайся с нами, дорогой друг.

– Нет, Добрита. Ты сам сказал, мне по солнцу закон дорога. И я спою свою песню и умру спокойно только в пути.

А костер вспыхнул так сильно, как будто сейчас достанет до черного неба. И увидел гость, как, отпав от солнца, загорелось на земле жаркое пламя. Взлетая все выше, оранжевые искры рассыпаются где-то у черных сосен. И исчезают. Отблески пляшут в глазах людей. Люди, звери, деревья тянулись из тьмы к этому жаркому чуду. Черная ночь кругом была... Казалось, даже лес приблизился и дикие звери вышли из чащи и прячутся рядом. Из темноты светились чьи-то глаза, слышались шорохи. Все замерли перед высоким пламенем. Толпой стояли гости и из других сел, они подталкивали к костру кого-то:

– Прыгай, огни и ветки... Прыгай! Так ярко!

Он нерешительно остановился.

– Что такое?

– Прыгни! Огни и ветки...

Кто-то там, неразличимый в темноте, колебался. И вдруг почувствовал.

«Будь ты волком». Ночь кругом была. Будь ты волком... Горели ожоги, шипели костры, будь ты волком... И никто не поможет.

Отскочил от огня. И исчез в лесу.

А к костру подбежала девушка. Прыгнула и словно перелетела через пламя. Она летела, и огонь осветил ее, коса разметалась. Как бабочка. Все затаили дыхание. Она, смеясь, подбежала к ним.

– Вот это да, Весняночка!

– Кто из вас тут боялся? Вы-то так умеете. Будешь теперь говорить, Ярилка, что я Снегурочка? Я Веснянка.

Когда-то давно девочка разбежалась и прыгнула, оторвалась от земли и будто перелетела через огонь.

Она была маленькая-маленькая, а перед ней сосны. И огромный костер горит, и искры долетают прямо до вершин сосен. Как будто сам бог Ярило зажег и разбрасывает пламя.

Бабушка улыбалась, и все взрослые на нее смотрели.

– Ну, не бойся, ты же у нас не Снегурочка! Прыгай. К тебе от того костра сила солнца придет. Прыгай!

Девочка отошла подальше, зажмурилась и побежала. У самого костра открыла глаза и прыгнула. Пламя горячее, желтое надвигалось, обдало ее жаром, теплом. Уже перелетев через него, она засмеялась.

Чьи-то руки подбрасывали ее в воздух. Дети водили вокруг хоровод и пели:

А теперь у солнца деток много –

Стало еще больше.

А теперь у солнышка

Еще одна дочушка.

А потом они снова и снова перепрыгивали через костер, держась за руки.

Бабушка поправила на ее голове венок из желтых цветов и сказала:

– Вот теперь ты, в самом деле, тоже внучка солнца. Люби его всегда, слушай. Тогда ничто темное не осилит тебя. Люби его.

Желтое облачко слетело с веток... Оно легкой беззаботной пылью повеяло в воздухе. Светик шагнул было к дереву и... удивился. Около него стоял кто-то. По виду этому странному человеку было нехорошо. Отуманенный взгляд, какой-то растерянный, будто он вдруг потерял дорогу. В походке что-то тяжеловесное, как у зверя.

Повеяло... Непонятное чувство будоражило душу. Какое-то нечаянное... В мире были суровые законы, звери, сучья. А оно... Руки у него жесткие, но как-то ослабли. Провел по лбу и почувствовал, как чужая ему слабость, тихая и вкрадчивая, входит в него. Хотелось дышать и пить этот воздух, прохладный и влажный. Эта странная земля таила в себе что-то раздражающее и теплое. Ветки коснулись его лица. И он перестал быть собой. И тут он ощутил колдовство. Несмело поднял голову, будто наткнулся на что-то. Перед ним стоял мальчик со светлыми глазами. Он испуганно повернулся и скрылся в лесу.

Глядя ему вслед, Светик подумал: «Высокий, большой. Он очень сильный. А как-то нетвердо и даже беспомощно идет. Он, наверное, болен». Но тут мальчик забыл про странного человека, быстро скрывшегося от него в чащу, потому что с веткой что-то случилось.

Из лопнувшей почки распушился лист, прогреваясь солнцем. Слабый треск охватил весь лес. Ярилка и гость подошли к Светику.

– Что, Светик, весну увидел?

– Листья.

– Ты куда?

– К березе, на Ярилину горку.

Ты же хотел сегодня гостю наши сказки рассказывать.

– Пусть бежит. Все это сказки о той болезни, что зовется счастьем. Лучше посмотри на него, Ярилка. Вот беспричинность счастья, – и, наблюдая, как мелькают между деревьями золотистые волосы бегущего мальчика, гость неожиданно спросил:

– А в твоей душе не скребется беспричинная тоска?

– Скребется. Когда я смотрю на закат, мне тесно здесь.

Воздух проникал в него, наполнял его.

И на губах от этого легкость и сладость.

Вот что делается на этой земле, я здесь как будто болен.

Он издали видел, как они разговаривали, потом гость остался один. И тогда он пошел к нему по берегу реки.

В мутной воде отражаются белые, мягкие облака. Они проплывают мимо. И небо приоткрытое застенчиво светится. Облака легкие, беззаботные, и, наверное, если взглянуть, то увидишь, как они похожи то на дерево, то... Но он не хотел всматриваться. Облака проплывают в мутной воде, проплывают. И мимо, мимо... Люди танцуют, смеются, мимо...

Гость потрогал подстилку из шершавых сосновых игл, сел на нее.

Пятно солнца, дерево и теплый угол избы там, в деревне. Сказывают – был царь, прошел полмира, искал что-то единственное, истинное, а как все просто. Он погладил шершавую кору, к его руке подползла букашка. Человек... Гость знал, как трудно остаться человеком. Не гнуть голову. А тут, у них... Он смотрел на излом реки и понимал, что этот песок долго будет ему сниться. Река тихо бежала к дальним городам.

Какой-то человек подошел, сел на пригорок. Гость нечаянно взглянул на него... и отбросил взгляд – ему не хотелось выходить из тишины. Помолчал, но потом спросил:

– Ты тоже забрел сюда случайно?

Тот пробормотал ему что-то низким, глуховатым голосом.

И гостю захотелось спросить у этого прохожего:

– Я уезжаю отсюда. Ты их видел. Что здесь у них?

– Да, в лесу, в его влажной сырости не то.

Гость продолжал:

– Скажи, может быть, я тоже всю жизнь бежал от чего-то простого и ясного, что было совсем рядом?

Тот пожал плечами.

– А зачем же ты тогда уходишь? Ты бы мог остаться.

– А ты?

Тот вдруг неожиданно поднялся:

– Я пойду, – и быстро скрылся в чаще.

Умение выносить одиночество – это было страшное умение. Его научили ему горящие ветви и лес, лес и лес... Черный, жестокий и мудрый. И встать, когда падаешь, и уметь быть изгоем.

Его тревожил запах молодых почек. Он неуверенно сделал несколько шагов и отодвинул ветку. В этом лесу было большое тепло. В каждой почке колдовство. Замутило, завело... На поляне стояла девушка. Простая полотняная рубаша просвечивала розовой теплотой тела. И когда она подняла руки, ветер еще плотнее прижал рубашку к телу. Он задел за ветку... Та хрустнула.

– Ярилка, ты подсматриваешь?

Он быстро прошел через поляну... и исчез. Веснянка не успела его рассмотреть. Почему не ответил? Кто это? Она прислушалась, потом наклонилась к траве, провела по ней ладонями. Собрать росу медвяную, не потерять ни одной ее капли. Опрокинула росу на себя.

И вновь хрустнула ветка. Да кто же это?

Воздух неожиданно стал совсем теплым. Что-то новое появилось в нем. Веснянка пошла между деревьев, наступая на шевелящиеся тени, и неясное предчувствие чего-то очень долгожданного зарождалось в ней. Послышался приглушенный шепот, две тени мелькнули у кустов и быстро исчезли. Она замерла: люди это или лешачихи завлекли молодца, а может, уже вышла первая русалка и зазывает в воду? И смех у нее тревожный, нежный. Зачем она зовет? И что такое есть в ней, отчего многие молодцы не устоят, вот и отец рассказывал.

И скоро впервые идти на игрища не с детьми... Отец говорит, там глубинная тайна, но она чиста, как река на русальной неделе. Кому достанется ее венок? Светлым, непонятым колдовством охватило ее от этой мысли.

Люди столпились на берегу. Все, до малых детей. Лодку спустили на воду.

– Добро тебе, гость, воду испить из всех родников.

Веснянка положила в лодку вышитое полотенце.

– И пусть будет добр тебе путь и всем тем, кто мнет дорогу.

В толпе плакали. Ярилка положил в лодку шкуру.

– Что и подарить тебе, дорогой гость, не знаем. Ты видишь, нет у нас прекрасных тканей, утварь наша проста, у наших жен немного украшений. Но мы будем вспоминать тебя часто, чтобы дорога казалась тебе теплее.

Старик обнял его:

– Ждет тебя путь дальний. Да будет легка тебе земля. Пусть никогда не оставит тебя солнце.

– Прощайте, друзья мои!

Множество голосов откликнулось с берега:

– Счастливого пути, гость дорогой! Мы будем помнить тебя!

По лугу ходили девушки в длинных белых рубахах и пели³⁰:

---

³⁰ Является контаминацией следующих весенних обрядов, сохранившихся фрагментами в единичных записях XIX в.: Весновка, Ляльник, Колосок, Встреча Ярилы. Почти все они происходили примерно в одно время ранней весной (от Егория до Троицы). Обряды встречи весны существовали и в Западной Европе во Франции, описания встречи весны и королевы весны «апрельской королевы» (regina avrillhosa) появляются в литературе уже в XII веке у трубадуров. О том, как играли Лелю: «Под вечер на большой площади собралось несколько десятков старух, женщин и девушек в особо хранимых для этого случая белых одеждах. Они все образовали огромный, очень торжественный хоровод и, подняв руки к небу и медленно притоптывая, двигались по кругу». (Рыбаков. С. 405.) Об обряде Весновка: «Весной, в один из праздничных дней, под вечер, молодежь обо-его пола собиралась на поле, предназначенное под яровые посевы. Раскладывали костры... и приступали к выбору из девушек «Вясновки». В выборе принимали участие и парни, и девушки. Требовалось, чтобы избранница была красива и работяща. Ее украшали венком из весенних трав и цветов и сажали на смык», застланный сверху плауном; в борону впрягались молодые люди и везли «вясновку» по полю вокруг огней, причем девушки пели...» (Рыбаков. С. 406.) Колосок: «Девы и молодцы схватываются парно руками, каждая из них одною рукою берет другую свою же ниже кисти, а этой берет точно также руку той девицы, которая составляет с нею пару. По этому крепкому оплоту из рук начинает идти девочка лет 12, опираясь на головы девиц... Последняя пара, которую прошла девочка, становится наперед, как в горелках. Озимая рожь – цель церемониального похода. Здесь процессия останавливается, отделяется одна пара, на которой остановилась девочка и подносит ее на руках к озимому полю. Девочка срывает горсть ржи, бежит к церкви и бросает близ оной сорванные колосы». (Шейн. С. 358. № 1234.) П. М. Древлянский Белорусские народные предания в кн.: Прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения». СПб. 1846. С. 20—21) сообщает, что ритуал встречи Ярилы, приуроченный к 27 апреля, заключался в том, что девушку наряжали в белую одежду Ярилы, украшали венком и сажали на белого коня, привязанного к столбу. Вокруг нее девицы, тоже украшенные венками, водили хоровод (иногда по засеянной ниве) и пели песни со следующим зачином: *Валачывся Ярыло По усему свету, Полю жыто радзів, Людзям дзеци пладзів. А гдзе ж он нагою, Там жыто копною, А гдзе ж йон ни зырие, Там колас зацывице.*

*Весна, Весна,
Веснянушка,
Где твоя дочка?
Сидит в лесочке,
Рвет цветочки
Девкам на веночки.*

На краю поля стояла большая толпа. Боз наклонился к Добрите:
– Сколько народу, не знаю, откуда набралось. А не страшно тебе, Добрита, что чужие глаза следят за вами, еще накличат беду?
– Да что ты, Боз, мы всем рады. Погляди-ка!
Из леса выбежала Веснянка, и девушки запели:

*Весна-красна,
На чем пришла?*

Она откликнулась:

*На жердочке,
На бороздочке,
На сохе, бороне,
На холодной воде.*

Девушки снова спрашивали:

*Весна-красна,
Что ты нам вынесла?
Ой, дид-ладо,
Что ж ты нам вынесла?
Ой, красным девушкам
По веночку.*

Певунья нагнулась, подняла с земли венки, крашеные яйца и раздала их:

*А малым детушкам,
По яичушку.*

И вдруг Веснянка замерла, протягивая руку к роще. Там вдали что-то случилось. Она запела тихо, потом все звонче:

*Ой, наша мати,
По межам ходит,
Наша мати.
По межам ходит,
Жито родит,
Девок к себе просит.
Ударьте, девки,
В ладошки,
Чтоб ладошки*

*Засвербели,
Чтоб колосочки
Зазвенели.*

По полям, за рощей, в белой рубахе и цветочном венке бегала длинноногая... От того ветер так летал по траве, развевал волосы и девичьи рубахи, прижимая их к стройным телам, будоража бороды стариков. Это она кружила на небе легкие облака, то закрывая, то показывая солнце. Лукавыми солнечными глазами всматривалась в селян. Люди ощущали ее тихую близость, дающую им год от года ясность, им, верящим ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.